

A. ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИРАН В ЭПОХУ САСАНИДОВ

Исторический очерк сасанидского Ирана. Социальный строй. Управление и государственный аппарат. Суд и право. Войско и военная техника. Замок. Город. Ремесла и торговля. Монета и денежное обращение. Семья. Положение женщины. Быт царя, феодалов и народной массы. Пища, жилище, одежда. Религия. Жрецы и храмы. Религиозные тексты. Оппозиционные религиозные учения и связанные с ними социальные движения. Манихейство и маздаизм. Язык, письменность и литература. Школа и образование. Наука. Музыка и изобразительное искусство. Три периода развития искусства. Архитектура, скульптура, торевтика и живопись. Символика художественных образов.

Около 224 г. н. э. парфянская династия Аршакидов, правившая почти пять столетий обширным государством, была свергнута восстанием землевладельцев Фарса (юго-западный Иран). Глава восставших — один из князей Стахра Арташир, из рода Сасана, торжественно въехал в Ктесифон, принял титул шаханшаха, т. е. шаха над шахами (царь царей), и положил начало Сасанидскому государству, включавшему в себя страны от Индии и современного Афганистана до Северного Кавказа, Малой Азии, Сирии, Аравии.

Вся история Сасанидов ознаменована борьбою с Римом и с Византией, главным образом из-за Армении и смежных кавказских областей, а также из-за пограничных крепостей на сирийской границе. В 260 г. царь Шапур I разгромил и взял в плен римского императора Валериана, что содействовало окончательному упрочению положения Сасанидов. Во второй половине IV в., при Шапуре II, могущество Ирана еще более возрастает. Ожесточенные войны с Византией из-за обладания Арменией привели к подчинению этой страны Сасанидам и к прекращению правившей в ней династии Аршакидов. В начале V в. появляется на северо-восточных границах новый враг — ефталиты, с которыми Сасанидам также приходилось вести постоянную и не всегда успешную борьбу.

Рост городов, рост торговли, непрестанные войны, вызывавшие усиление налоговых тягот при ничем не ограниченном произволе феодалов, — все это вместе взятое привело к большому крестьянскому восстанию в конце V в. (481 г.), во главе с Мазда ком.

Наибольшего внешнего могущества сасанидский Иран достиг при Хосрове Парвезе, когда был завоеван Иерусалим (614 г.), когда успешные походы в Египет и осада с помощью аваров Константинополя на время придали Ирану вторично характер мировой державы (первая мировая

держава — при Ахеменидах). Однако все эти успехи были непрочными. Достигнутые путем напряжения всех материальных ресурсов страны, завоевания Хосрова только ослабили Иран. Достаточно было похода византийского императора Ираклия, дошедшего почти до Ктесифона (628 г.), чтобы процесс упадка иранского государства пошел быстрыми шагами.

В половине VII в. Иран, положение которого к этому времени было осложнено давлением с востока турок, занявших Бактрию, с севера — хазар, напирающих с Кавказа, стал сравнительно легкой добычей арабов, положивших в 642 г. конец сасанидскому государству.

К этому времени процесс феодализации, начавшийся в Иране еще при Аршакидах, достиг значительного развития. Уже в IV в. здесь существует прочно установленная феодальная иерархия (шатрадары, виспухры, азаты и дехканы, положение, права и обязанности которых регулировались особыми местническими книгами). Через феодалов крестьяне выплачивали поземельный налог (баж, хараг), ремесленники — подушную поить (гезит, сав). Имелись крестьяне — крепостные и свободные, откупившиеся. Свободные крестьяне обрабатывали определенные участки земли, находившиеся в их наследственном пользовании, за что выплачивали феодалу оброк натурой и несли барщину, выполняя главным образом работы, связанные с поддержанием оросительной системы, постройкой мостов, починкой дорог, сооружением охотничих парков и т. п. В городе существовали свободные, откупившиеся ремесленники, в VI в. уже объединенные в ремесленные организации типа цехов. Рабский труд довольно широко применялся в это время, но основы производства он не составлял; контингенты рабов составлялись, повидимому, преимущественно из военноопленных.

Общество делилось на четыре сословия: 1) на несших военную службу феодалов; 2) на служителей культа, верхние ступени иерархической лестницы которых смыкались с сословием феодалов светских; 3) на «интеллигенцию» — врачей, дапиров (секретарей, чиновников), астрономов и т. п., обслуживавших господствующий класс, и 4) на крестьян и ремесленников.

Особенностью развития феодализма в Иране было то, что этот процесс здесь, как, впрочем, и в Византии, не разрушил централизованного государственного аппарата. В первое время царская власть передавалась по наследству от отца к сыну или к другому родственнику, а позже царь избирался феодалами, но только из числа представителей рода Сасана, причем предшественник имел право рекомендовать в качестве своего преемника того или иного члена семьи. В случае расхождения мнения среди феодалов, вопрос решал верховный магупат (жрец). Претендент должен был обязательно удовлетворять требованию — не иметь никаких физических недостатков; это условие давало феодалам возможность устранять неугодного им кандидата на престол путем его ослепления или калечения.

Ближайшим помощником царя и заместителем его во время его отсутствия являлся «великий везир» (вазург-фрамадар), о положении которого в сасанидском Иране один из арабских текстов сообщает следующее: «Цари Ирана почитали своих везирей больше, чем какие-либо другие цари, и говорили: везир — это тот, кто устраивает все наши дела, он — украшение нашего царства, он — язык, с помощью которого мы говорим, он — наше оружие, которое всегда наготове, чтобы ударить им по нашему врагу в самой отдаленной стране».

Во главе финансового управления стоял вастриошансалар (начальник землемельцев), называвшийся также и хутухшпатом (начальником ремесленников); из этих двух наименований его явствует, из каких двух основных источников слагались доходы государственной казны. Кроме до-

ходов от поземельного налога и подушной подати, царская казна пополнялась также подарками, которые подносились царю ежегодно в праздники весеннего и осеннего равноденствия, а также доходами с золотых рудников, которые все без исключения, еще со временем Ахеменидов, принадлежали царю; из них наиболее значительный находился в Фарангии (на Чорохе), что в известной мере объясняет борьбу между Византией и Ираном именно за этот район Армении. Основными статьями расходов являлись содержание войска, царского двора и государственного аппарата.

Наблюдение за правосудием находилось в руках жрецов; исполнителями в городах были специальные судьи, а в деревне — дехканы; высшей судебной инстанцией был правящий феодал, а для всего государства — царь. Различались преступления против бога (принадлежность к секте), против царя (измена) и против ближнего (уголовные преступления). Наказания были необычайно жестоки, особенно в двух первых случаях: преступник заключался пожизненно в «замок забвения» (запрещалось даже произносить имя заключенного) или же подвергался ослеплению или казни мечом, распятием или колесованием; при следствии применялась пытка. Социальное законодательство было детально разработано, оно охраняло интересы феодалов и регулировало вопросы наследования. Крестьяне и ремесленники защитой закона в полной мере не пользовались. По свидетельству римского историка Аммиана Марцеллина, феодалам присвоено было «право жизни и смерти над рабами и людьми низкого положения». Вопросам ирригации, охране и поддержке каналов и способам пользования ими в законодательстве уделялось довольно много внимания. Вопросы гражданского права были детально разработаны в сасанидском «Своде законов» (Матикан- и-хазар датастан — «Книга тысячи постановлений»), сохранившемся только частично.

Важнейшую частью государственного аппарата являлось войско, главою которого был сам шаханшах. Фактически царь лишь иногда принимал на себя непосредственное командование, обычно же верховное командование осуществлялось эранспахратом (т. е. начальником войск Ирана). Начиная с VI в. функции верховного главнокомандующего были разделены между четырьмя спахпратами — военачальниками, которые получили наименования по странам света; это мероприятие было вызвано опасением возможности отложения всего войска, если оно будет находиться под командой одного лица. Все командные должности распределялись между феодалами соответственно их положению. Войско делилось на конницу и пехоту, которую составляли крестьяне. Отряды воинов на слонах имели отдельного командующего. При команде каждого осадного орудия был свой начальник. В составе войска были особые отряды саперов. При войсках имелись врачи, ветеринары и служители культа. Вооружение всадников состояло из панцыря, кольчуги, нагрудного панцыря, меча, копья, щита, палицы, секиры, колчана с двумя луками и тридцатью стрелами и двумя кручеными запасными тетивами. Спина всадника и круп коня были менее или вовсе не защищены. Кроме тяжело-вооруженной конницы, были и легкие отряды. Вознаграждение конница получала из царской казны. Набиравшаяся из крестьян пехота, по свидетельству Аммиана Марцеллина, «следовала за конницей, как бы обреченная на вечное рабство, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками». Вооружены они были копьями и щитами из тростника и кожи. Слоны, выступавшие в решающий момент боя, задачей которых было задавить врага, несли на себе высокие башни, в которых находился отряд с начальником. В борьбе со слонами применялись четырехконечные железные шипы (чеснок), которые разбрасывались по земле. Шипы вонзались в ноги слонов и вызывали смятение в их рядах.

Вторым приемом, вызывавшим испуг слонов, было выпускание им навстречу свиней, к которым были привязаны горящие факелы. При осаде крепостей применялись баллисты, метавшие стрелы, «скорпионы», бросавшие камни и обмазанные смолой и нефтью горящие снаряды, стенобитные машины, или тараны, и т. д.

В Дербенте находятся единственные дошедшие до нас крепостные стены сасанидского времени, построенные в V—VI вв. для защиты северных границ сасанидского царства от кочевников.

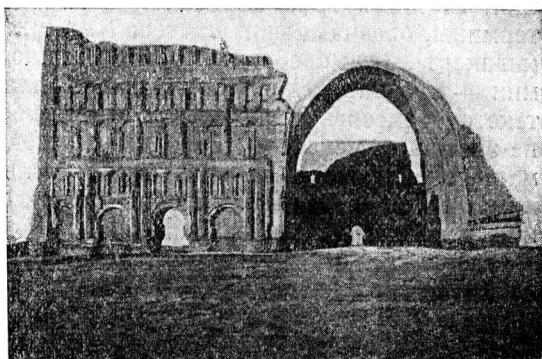
Анализ приемов кладки и отески камня показал, что над этими стенами работали разные группы каменщиков, применяя свои технические приемы, принесенные с родины.

По всей территории Ирана были разбросаны замки, являвшиеся одновременно и жилищами феодалов и местами расположения войск. Стояли эти замки почти всегда на труднодоступных, а иногда и вовсе неприступных обрывах. Замок был окружен следовавшими по рельефу местности стенами, которые были усилены башнями и снабжены вверху зубцами. Нередко подземные ходы выводили из замка к подножию горы в потайном месте к источнику, из которого пополнялись запасы воды замка или крепости. Внутри замка вода хранилась в громадных цистернах, высеченных в скале или сооруженных из камня или кирпича.

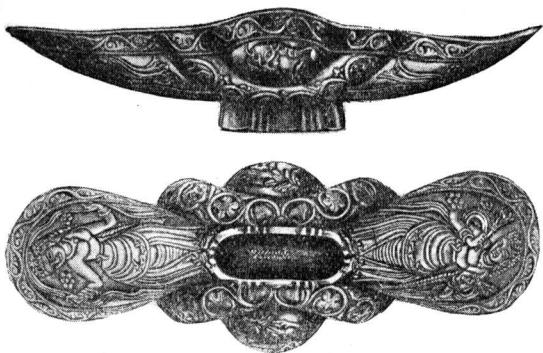
Гораздо меньше мы знаем об основных типах и планах иранских городов, так как ни один город сасанидского Ирана не раскрыт еще научно поставленными раскопками. Пробные раскопки, произведенные на родине Сасанидов, в городе Стакре (древний Персеполь), показали, что здесь имелись ремесленные кварталы с лавками и мастерскими. Столица Сасанидов, город Ктесифон на Тигре, представляла собой комплекс из семи городов, из которых главнейшими были Ктесифон и Вех-Арташир (древняя Селевкия) и которые были обнесены одной общей стеной. Сохранились данные о существовании в Ктесифоне рынка и кварталов, делившихся по ремеслам. На западном берегу Тигра находился Вех-Арташир, обнесенный кирпичной стеной и занимавший площадь в 286 га. Здесь были мощеные улицы, рядом с домами находились огороженные пастища для скота и имелся большой базар, где продавцы евреи торговали вином, где бродячие торговцы предлагали свои товары и где изготавливались, между прочим, кошельки и особого вида цыновки для сушки фиников.

Шапур I и его свита. Рельеф в Накши-Раджабе около Персеполя

Так-и-Кесра в Ктесифоне,
дворец Шапура

Пляшущие женщины. Серебряная чаша с позолотой. Профиль и дно. Ленинград, Эрмитаж

в ворота построенной для них «Новой Антиохии», немедленно разошлись по своим кварталам, как каждый сразу же нашел свой дом и как один только сапожник заявил протест: в старой Антиохии перед его домом рос дуб, которого в новой Антиохии не оказалось.

Со времен Ахеменидов существовал обычай переселять пленных ремесленников целыми колониями и пользоваться их трудом для развития определенного вида производства; такая колония военнопленных римлян-ремесленников была основана при Аршакидах около Мерва. Сосредоточенные в Гунде-Шапуре, римские военнопленные построили, по преданию, знаменитую плотину-мост через реку Каун в городе Шуштаре; ткачи из числа военнопленных римлян, выделявшие особые виды парчи и шелка, были расселены по разным городам. Поселенные в Румакане ремесленники из Антиохии работали, видимо, в царских мастерских, так как считались находящимися в распоряжении царя; им разрешалось исповедывать христианство, а иногда даже возглавлявший царские мастерские «карукпат» назначался из числа иранских христиан.

Кроме этих ремесленников-рабов, существовали и свободные ремесленники. Они платили подушную подать и после маздакитского движения добились, видимо, некоторых новых прав; протокол несторианского «собора», собравшегося в Гунде-Шапуре в 544 г., сохранил нам среди подписей высших служителей христианского культа также подписи «глав» и «старшин» золотых и серебряных дел мастеров и купцов этого города. Мастера, работавшие в замках феодалов, были крепостными или рабами. В это время существовали уже не только ремесленные организации, но и «внутрицеховая» иерархия, поскольку тексты сохранили нам термины, обозначающие мастера (остат), подмастерье (хавешт) и ученика (ашакерт). Для свободных ремесленников существовал специальный термин — муздвар, т. е. «получающий плату». В одном из пехлевийских текстов ремесленникам дается совет «не приниматься за дело, которого не знаешь, а ремеслом, которым владеешь, заниматься хорошо и со вниманием и требовать полную плату (музд)». Впоследствии правило не заниматься не своим ремеслом стало особо строго соблюдавшимся при укреплении цеховых организаций.

Ведущими отраслями ремесленного производства были производства металлическое и ткацкое. Сасанидские ткани отличались высокими техническими и иными свойствами и играли большую роль в международной торговле: славились главным образом шелк, парча и шерстяные ткани, изготавливавшиеся в Шуше (древние Сузы), Шуштаре, Гунде-Шапуре и Мерве. Сырье для изготовления шелковых тканей привозили из Китая, а затем готовый продукт вывозили как на Запад, так и на Восток. В VI в.

На берегу Тигра, к югу от Ктесифона, находился город, официальное название которого было Вех-Антиох-Хосров (Новая Антиохия Хосрова), но обычно называвшийся Румаканом, т. е. «греческим городом». Этот город был построен по приказу Хосрова I после разрушения им Антиохии на Оронте, план которой с точностью был воспроизведен. В персидской поэме «Шах-намэ» рассказывается, как пленные антиохийцы, будучи введены

Византия с помощью абиссинских купцов пыталась отнять у Ирана роль посредника между Китаем и Западом в торговле шелком, что ей отчасти и удалось. Взамен шелка-сырца Китай получал из Ирана сирийские, египетские и иранские ткани, вавилонские ковры, косметику, а также шедшие через Иран на Восток драгоценные камни из Сирии, коралл и жемчуг из Красного моря. Значительную роль в торговле играли благовония — алоэ, серая амбра, мускус, камфора и сандал, духи — смесь из фиалок и серой амбры, из душистого горошка и камфоры; славились розы Фарса, базилик Самарканда, цедра Табаристана, фиалки Исфахана, шафран Кума и в особенности тройные духи из индийского алоэ, тибетского мускуса и амбры из Шихра. Перевозились все эти товары как караванными путями на верблюдах, так и морским путем на кораблях, которых было, видимо, немало в Иране. В IV в. в сирийском городе Батна (на восточном берегу Евфрата) ежегодно в сентябре происходила международная ярмарка, где шел торг товарами, доставлявшимися из Ирана, Индии, Китая, Византии и пр. Благоустроенные дороги Ирана, сохранившиеся еще со времен Ахеменидов, облегчали торговые связи.

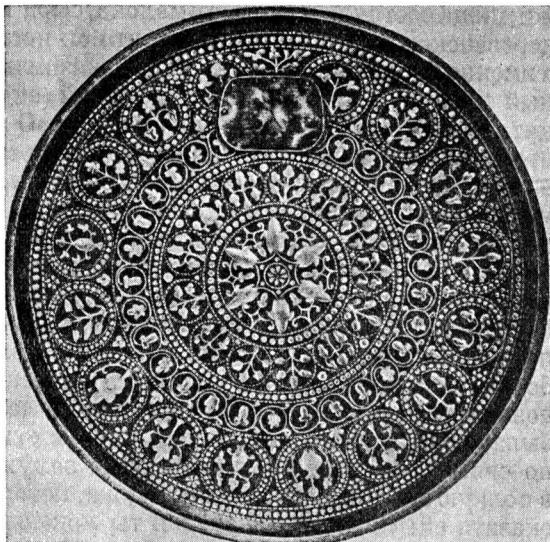
С развитием городской жизни и ростом торговых связей с соседними странами начинает расти значение купцов. С VI в. в торговых операциях начинают принимать участие и феодалы.

Крупная караванная торговля в основе была меновой; на деньги лишь вели счет и употребляли их для уплаты разницы при обмене товаров. Большую роль деньги играли при выплате жалованья войску (конница), деньги нужны были и при выплате устанавливаемых договорами контрибуций. Золотая монета, динары, чеканилась в небольшом количестве и только в связи с торжественными случаями. Основной monetной единицей являлась серебряная монета — драм.

Таковы материальные основы жизни иранского общества. О его быте мы имеем лишь очень неполные сведения, главным образом освещдающие быт царей и класса феодалов.

Двор сасанидских царей славился своей пышностью и до мелочей разработанным церемониалом. Сасаниды продолжали традиции Ахеменидов, богатство и великолепие которых описывал еще Геродот. Цари и феодалы носили одежду из знаменитой персидской парчи или узорного шелка, причем существенную часть царского одеяния составляли бесчисленные развевающиеся ленты. Каждый царь носил свою индивидуальную корону, которая после его смерти поступала на хранение в царскую сокровищницу, а преемник заказывал себе новую, видоизмененной формы.

Римские писатели рассказывают про иранских феодалов, что они «одеваются по большей части в яркие и цветные ткани, и хотя спереди и с боков платье развевается по ветру, но от боков до макушки не видно ни одного непокрытого места на теле; персы привыкли к употреблению золотых запястий и

Бронзовое блюдо эпохи Сасанидов.
Ленинград, Эрмитаж

Серебряные монеты Арташира I. Ленинград, Эрмитаж

бжерелий, а также драгоценных камней и особенно жемчуга, которого у них много». Китайский путешественник подметил среди прочего одну поразившую его, видимо, деталь — золотую цепочку на бороде царя, конец которой действительно был перевязан, судя по сохранившимся портретам, или лентой или цепочкой. «У Шапура II, — писал византийский писатель Иоанн Златоуст в IV в., — была золоченая борода, и он выглядел как диковинный зверь», когда выезжал «в облаке лент» впереди войска перед осажденной крепостью. Повязка из золота и камней, которую носили на голове феодалы, являлась пожалованным им царем знаком отличия, который в случае опасности отнимался.

Во время торжественных приемов в Ктесифонском дворце царь сидел на троне, стоявшем на особом возвышении, отделенном от зала драгоценным занавесом; над головой царя висела подвешенная на цепочках к потолку большая корона. Являвшиеся на прием к царю вельможи должны были завязывать себе рот особой повязкой, чтобы не осквернить своим дыханием своего повелителя...

Несравненно более скучные, вернее, вовсе отсутствуют данные о народном быте. Сведения, характеризующие обстановку жизни бедного скотовода, очень отрывочны; мы знаем, что из дерева изготавливались и обувь, и ступка для растирания ячменя и риса, и меха для раздувания огня, и скамейка для сиденья; из козьей шерсти ткалась одежда, подпоясывавшаяся кожаным ремнем; дорожная бутыль для воды тоже была из кожи; пища состояла из козьего молока, сыра и ячменных лепешек. О бродячем деревенском торговце известно, что он носит в кожаной сумке свой товар, а именно игравшие большую роль в жизни иранца благовония — камфр и черный мускус, а также шелк тохарский (видимо, более дешевый, чем шелк китайский) и другие ткани для одежды. О горожанах мы знаем только то, что феодалы резко отличались от них роскошной упряжью своих коней, оружием, шелковыми одеждами своих жен, обувью, шароварами, головными уборами, увлечением охотой и другими «благородными упражнениями» и что горожанам предписывалось кланяться феодалам при встрече с ними.

Что касается быта семьи, то имеющиеся данные опять-таки рисуют картину семейной жизни только господствующего класса. На основании юридических и других памятников мы знаем, например, что женщины, принадлежавшие к имущим классам, пользовались относительной свободой. Женщина имела возможность посещать школу, имела право наследования, однако во всем, что касалось ее остальной жизни, она должна была беспрекословно подчиняться воле отца или старшего брата, которые по своему усмотрению выдавали ее замуж. После этого она переходила в полную зависимость от своего мужа, который в любой момент имел право сказать ей: «С этого мгновенья ты можешь свободно располагать собою», отпуская ее и расторгая этим брак. Существовало многоженство, причем число жен зависело от материального положения мужа. Различались два вида жен: главная жена, катак-банук (хозяйка дома), и «жена-слу-

жанка» из числа рабынь или военнопленных; сыновья этих «жен - служанок» принимались в семью отца.

Большую роль играл институт усыновления; собственность, требующая наследников, соображения чисто экономического порядка выдвигали остро вопрос о продолжении рода; жрецы же объявляли, что бездетность — грех, потому что бездетные повинны в убийстве бесчисленных душ и потому что «имя их (бездетных) исчезает для вечности».

Вопрос о продолжении рода был теснейшим образом связан с вопросом о «чистоте крови» при заключении браков, почему царь и не разрешал людям «благородного» происхождения заключать браки с женщинами другого класса, послушники лишились права наследования. Требованиями «чистоты крови» и стремлением не дробить наследство объясняются также браки между родственниками.

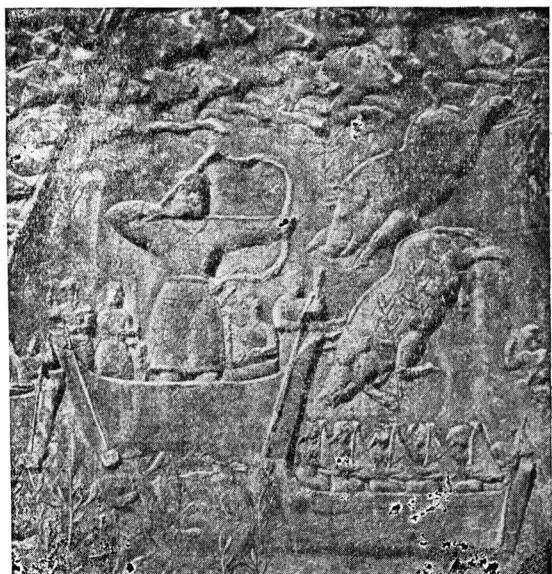
Господство класса феодалов в сасанидском Иране поддерживалось и освещалось государственной религией — зороастризмом. Это учение названо по имени иранского пророка Заратушты (Заратуштры, Зороастра).

Священной книгой иранцев-зороастрийцев являлась Авеста, древнейшая часть которой, Гаты, приписывается Зороастру. Языком Авесты являлся один из диалектов, родственных древнеперсидскому языку ахеменидских клинописных надписей. Авеста состояла из 21 книги и была в сасанидский период, в IV в., переведена на пехлевийский («пахлеви», или парфянский) язык и снабжена комментарием. До нас дошли только незначительные части ее, но сохранившийся перечень содержания всех составлявших ее 21 книг дает богатый материал для суждения о различных сторонах культуры сасанидского Ирана.

Наряду с господствующей религией Заратуштры продолжали существовать, преимущественно в народе, общины, сохранявшие приверженность иным, более

Занятие крепости. Серебряное блюдо с позолотой. Ленинград, Эрмитаж

Сцена охоты. Деталь рельефа Так-и-Бостан (Иран). VII в. н. э.

Деталь часов Хосрова Парвеза. Серебряное с позолотой блюдо. Ленинград, Эрмитаж

далов, стоявших также на различных ступенях иерархической лестницы. Главою зороастрийской церкви был верховный жрец, назначавшийся царем.

Учение Зороастра требовало, чтобы труп умершего — достояние Ахримана — не приходил в соприкосновение с священными стихиями: его нельзя было захоронить, ни сжечь, ни бросить в воду. С соблюдением разных предосторожностей труп выносили на открытое место и оставляли на настите из камней; очищенные птицами и животными кости складывали в особые гробики-костехранилища, которые хранились в специальных зданиях, а иногда хоронились в землю. Что касается трупа царя, то его сажали на трон в специально приготовленной гробнице, закутывали в парчу, ставили вокруг него мускус, розовую воду, камфору и вино и затем замуровывали вход в гробницу. Поскольку царь считался происходящим из «семёни богов», он общему порядку погребения не подлежал.

Храмы огня представляли собой здания с большим центральным прямугольным помещением, покрытым куполом на тремпах, без окон, с четырьмя дверями (по одной в каждой стене), ведущими в окружавший помещение сводчатый коридор, тоже не имевший окон. В центре этого помещения находился жертвенник, на котором горел неугасимый священный огонь. В городах имелись и христианские храмы, один из которых был недавно открыт раскопками в Ктесифоне, а также синагоги. Известно, что в Ктесифоне существовала большая еврейская община.

Господствующей идеологии зороастризма противостояло созданное в III в. религиозное учение, получившее название манихейства, по имени его основателя Мани. Это учение, ориентировавшееся на широкие массы народа, является попыткой создать универсальную религию путем сочетания зороастризма, христианства, иудаизма и буддизма. Мани изложил свое учение в ряде книг и трактатов (впоследствии уничтоженных) и на первых порах привлек к себе внимание царя Шапура I, которому он и посвятил одну из своих книг. Но зороастрийское жречество вступило в борьбу с ним, и учение Мани было запрещено, а он сам и его приверженцы были казнены. Некоторые последователи Мани бежали в Центральную Азию, где они продолжали исповедывать его учение и где были найдены фрагменты написанных манихейским письмом документов и книг.

ранним вероучениям (культ Иштари, Анахит - Нанайи, богини земли — плодородия, любви), а также распространялись занесенные из других стран новые вероучения: христианство, иногда подвергавшееся гонению (особенно в периоды обострения политических отношений с Византией), иудаизм и буддизм.

Зороастрийские жрецы носили название магов; слово это является названием одного из мидийских племен, представители которого и были жрецами огня. В Атурпатакане (древней Мидии) они владели богатыми поместьями и представляли собою особую группу фео-

По преданию, Мани был талантливым живописцем, и ему приписывается введение обычая иллюстрировать рукописи миниатюрами.

Элементы манихейства два века спустя были использованы учением Маздака, с официальной точки зрения — еретика и мятежника, а по существу — главы революционного движения. Исходя из лежащего в основе зороастризма дуалистического миропонимания, Маздак учил, что темное начало будет в мире существовать, пока будет существовать социальное неравенство, и что общность имущества и равенство всех перед властью приведут к торжеству светлого начала. Этот лозунг, такой простой и понятный, был подхвачен крестьянами. Началась кровопролитная борьба. Феодалы изгонялись из замков и поместий, их земли отбирались и переходили к крестьянам. К движению примкнули и ремесленники городов. В течение ряда лет царь Кавад не препятствовал Маздаку осуществлять свою программу — но только до определенного момента: когда руками восставших была выполнена задача ослабления феодалов, Маздак и его последователи были уничтожены. Однако это революционное движение, основанное на учении, носившем уравнительный характер, не прошло бесследно. Учение Маздака в виде тайной секты зиндиков пережило династию царя Кавада, чтобы влиться отдельными элементами в революционное движение Муканны в Средней Азии в VIII в., в революционные крестьянские движения в Армении, внешне также носившие характер религиозного сектантского движения (тондракцы и др.), наконец в христианские еретические движения павликиан, богомилов и т. д.

Язык письменности Ирана в сасанидский период основывался на одном из иранских диалектов (повидимому, диалекте Фарса), по традиции называющемуся пехлеви (т. е. парфянский). Наибольшую близость язык пехлеви имеет к нынешнему курдскому языку и к древнему литературному языку Армении. Письменность Ирана использовала графически арамейские буквы, имевшие различные начертания в надписях и в рукописных текстах. Пехлевийская письменность осложнялась введением очень большого числа идеограмм. Это осложнение, первоначально проистекавшее из того, что писцами (дапирами) были не иранцы, а сирийцы и евреи, в дальнейшем использовалось в целях сохранения кастовой тайны письменности. Борьбу с этой сокровенностью письма, повидимому, вели представители народных масс, манихеи, по крайней мере в их литературе идеограммы отсутствуют; манихейские тексты в значительной мере содействовали звуковой расшифровке пехлевийских памятников современной наукой.

Помимо упомянутых произведений религиозного характера, до нас дошли на пехлевийском языке и книги светского содержания. Такова «Книга о деяниях Арташира, сына Папака», повествующая о событиях, связанных с воцарением Сасанидов и представляющая собой нечто вроде исторического романа (начало VII в.). Такова «Книга о шахматах»,

Царь Шапур II. Серебряная с позолотой чаша. Ленинград, Эрмитаж

излагающая историю изобретения шахмат и появления их в Иране из Индии. Юридический сборник—«Книгатысячи постановлений»—знакомит нас с различными сторонами социальной и экономической жизни, а тексты «Шахристанан и-Эраншахр» (т. е. «Города Иранского царства») — с историей основания различных городов. О быте царя и его двора сообщает интересные подробности текст «Хосров Каватан и его паж», представляющий диалог между шахом Хосровом II и юношей, желающим стать его пажем, а о быте скотоводов — другой диалог — между деревом и козой. Пехлевийские книги были использованы знаменитым иранским поэтом Фердоуси в его «Шах-намэ», являющейся поэтому, несмотря на то, что поэма была написана в X в., важным источником и для понимания культуры сасанидского периода.

Наряду с литературой высокого развития достигает и наука. При Хосрове I в Гунде-Шапуре процветали философская и медицинская школы. Греческие философы-язычники, бежавшие от преследований византийского императора Юстиниана, а также сирийские ученые-неосториане находили радушный прием и покровительство при его дворе. Сам Хосров читал сочинения Платона на греческом языке, и неоплатоник Павел Перс посвятил ему свою книгу по логике. При нем различные научные трактаты переводились с санскритского и с греческого языков на пехлевийский, между прочим, и сборник басен «Калила и Димна», привезенный из Индии.

Успехи науки связаны были с существованием высшей школы: в Нишибине, где руководили греки, и в Гунде-Шапуре, где руководили иранцы. В Гунде-Шапурской медицинской школе медицина изучалась под руководством известных врачей индусов и персов. Основана была эта школа врачами-греками в IV в., и сюда, в Гунде-Шапур, видимо, сасанидские цари переселяли врачей из вновь занятых областей. При этой школе имелась и больница, причем главный врач ее был одновременно и начальником школы. До поступления в медицинскую школу юноши должны были пройти определенный курс наук, а врачи допускались в больницу лишь после прохождения курса в медицинской школе. В 551 г., при Хосрове Ануширване, в Гунде-Шапуре был создан своего рода конгресс врачей, между которыми ходили «вопросы и ответы», заносившиеся по приказу царя в книги. Гунде-Шапурская школа пережила Сасанидов и была медицинским центром и в первые века ислама.

Что касается низшей школы, то она находилась в руках жрецов. Учащимися были, вероятно, главным образом сыновья и дочери феодалов; учили их чтению, письму, счету, верховой езде, игре в поло, игре в шахматы и обучали охоте. Сыновья крупных феодалов имели право воспитываться и при царском дворе или, получив соответственное воспитание дома, занимать место пажа при дворе. В тексте «Хосров и его паж» говорится о паже, который блестяще выдерживает ученический ему Хосровом II экзамен по всем вопросам «хорошего тона»: он знает, какие блюда и в какое время года являются самыми вкусными и как их надо приготовлять; знает, какие вина лучше всех других; в каких городах изготавливаются наиболее ценные ткани; какие цветы и ароматы больше всего радуют обоняние; какие музыкальные инструменты и песни услаждают слух и как должна быть сложена самая прекрасная женщина.

Из диалога царя Хосрова с пажем видно, что в воспитании феодального юношества музыка занимала значительное место. Судя по разнообразию музыкальных инструментов, сасанидский Иран на много веков опередил в своей музыкальной культуре Западную Европу. Ирану VI—VII вв. были знакомы: струнные инструменты — чаңг (арфа), вин, винканар, дар (различные виды лютни), барбут (лира); смычковые — шишак (скрипка), капик, который, судя по названию, формой своей походил на обезьянку; духовые — ванджак (флейта из тростника), наи (свириль),

мар (змея) — инструмент типа гобоя и др., наконец, ударные — думблак (барабан), зиль (кимвалы), чамбар (тамбурины), тас (литавры), занг (коло-кольчики).

Сохранились также названия различных музыкальных ладов (гласов), известных под именами городов, в которых они, повидимому, впервые сложились: исфаханский, нишавандский и нишапурский лады. Составителем музыкальной системы иранцев предание называет знаменитого композитора и певца VII в. Барбада; сохранились имена и других музыкантов, притом разных национальностей, в том числе армянина Саркиса.

Лучше всего разработана в науке история развития сасанидского изобразительного искусства. В общем ходе этого развития наблюдаются три этапа.

В первый период — от воцарения Сасанидов и примерно до половины IV в. — развиваются преимущественно архитектура, скульптура и торефтика (металлическая утварь, украшенная изображениями).

Что касается архитектуры первого периода, то представление о ней дают построенные из камня дворцы в Фарсе, в Гунде-Шапуре (ныне Фирузабад) и Сарвистане. Они представляют собою целый комплекс расположенных вокруг центрального зала купольных и сводчатых помещений с применением арок на столбах и куполов на тромпах. В Месопотамии же, в Ктесифоне, знаменитый дворец Так-и-Кесра был построен из кирпича; основную часть его составляет колоссальных размеров сводчатый зал, освещенный мелкими окошками в своде, закрытыми цветными стеклами. Два крыла по сторонам арки входа имеют фасад без окон, украшенный ложными аркадами. По сторонам к главному залу, стены которого были отделаны цветной мозаикой из камня, примыкают боковые, меньшие помещения. На крыше поднимались зубцы (или городки). Фасад и расположенные за ним помещения между собою органически не связаны; сделана попытка сочетать элементы римской (фасад римского театра) и местной (сводчатый зал, городки на крыше) архитектуры.

Но основным видом искусства в первый период является скульптура, представленная высеченными в скале колоссальными рельефами, изображающими царя в различные торжественные моменты его жизни. Все восемнадцать высеченных в этот период рельефов находятся в Фарсе. Высоким рельефом на них изображены или сцены инвестиции, или торжественный выезд царя в присутствии феодалов, стоящих опершись на меч, или сцена триумфа Шапура I над Валерианом, римским импе-

Шелковая ткань первой половины VII в.

ратором, на коленях просящим о пощаде. Отличительными чертами стиля этих рельефов являются их монументальность, соблюдение симметрии, портретность в изображении голов царей, правильно переданное движение, богатая игра светотени и прием передачи массовой сцены в несколько планов, с находящими частично друг на друга рядами фигур — прием, заимствованный от римского искусства.

К этому же периоду относятся самые замечательные по технике и стилю серебряные блюда с охотничими сценами, изображающими царя в борьбе со зверями, видимо, в охотничьем парке или загоне. Высокие части рельефа на этой группе блюд и чаш представляют собою отдельные вычеканенные пластинки и отлитые куски, вставленные затем в специальные надрезы фона, как бы в подражание горельефу скальных скульптур. Мастер умело вписывает в круг задуманную им сцену, не пугаясь пустого пространства, остающегося на блюде; головы царей обращают на себя особое внимание портретным сходством и тщательностью моделировки. Те же отличительные черты характерны и для изображений портретов на лицевых сторонах и групповых сцен, имеющихся на оборотах этих монет.

Итак, для искусства первого периода, выросшего в Фарсе на старых местных традициях, пытающегося ассимилировать с ними отдельные приемы римского искусства, характерны прокламирование в тематике величия и прочности новой династии. Ведущую роль играет скульптура, лучше других видов искусств служащая задачам публичного и протокольного фиксирования исторических событий; монументальный характер памятника сочетался с тщательной и тонкой передачей деталей; идеализация портретных черт должна, видимо, подчеркивать происхождение царя «из семени богов».

Второй период развития иранского искусства продолжается от середины IV в. до конца V в.

Характерным для возникающих в этот период новых типов дворцов в Дамгане (Парфия) и Кише (Месопотамия) является богатая штуковая облицовка стен и колонн; такая облицовка позволяла обращать меньше внимания на основные архитектурные формы в смысле отделки их, допуская, видимо, просто бутовую кладку, т. е. требовала меньше затраты сил.

На серебряных блюдах этого периода главное внимание мастера обращено теперь не только на фигуру царя: его интересует передача различных деталей обстановки. Наряду с излюбленными сценами охоты появляется также новая тематика из круга природы — изображение животных и птиц в цветочных венках или в кружках, представляющих собою подражание рисункам на парчевых и шелковых тканях этого времени. Техника передачи рельефа меняется; мастер не изготавливает больше и не составляет отдельных пластинок, а дает изображение в плоском рельефе, получающемся в результате углубления фона, т. е. работает в той технике, в какой работает резчик по дереву, камню и кости.

Третий период — от начала VI в. до падения династии. Памятников архитектуры, созданных в этот период, мы пока не знаем; они либо погибли во время нашествия арабов, либо были заново перестроены.

Скульптура больше не фиксирует протокольно особо торжественные события в жизни государства, она повествует о повседневных событиях из жизни царя — о его выездах на охоту (в гроте Так-и-Бостана), где на одном и том же панно изображение царя дано три — четыре раза; фигуры феодалов рядом с царем изображены в уменьшенных размерах; фигуры животных изображены находящими друг на друга в несколько планов; рельеф стал совсем плоским и покрывается раскраскою. Те же самые явления наблюдаются и в торевтике: в технике еще большее уплощение рельефа; тематика приобретает иллюстративный характер: эпизоды из охотничьих подвигов Бахрам-Гура, выехавшего на охоту вместе с Азадэ (хо-

дивший в народе сказ, который три века спустя использовал Фердоуси), сцена борьбы льва и быка на серебряном блюде, иллюстрирующая один из рассказов «Калилы и Димны», и пр.

В общем, в последний период наблюдается падение технического и художественного мастерства, распространение условных приемов передачи сцен и портретов.

Политическое крушение, которое постигло сасанидское государство в середине VII в., приведя к подчинению в короткий срок почти всего Ирана арабскому халифату, не вызвало крушения и приостановки в развитии культуры и искусств. Подчинение арабскому господству страны с высокоразвитой культурой, несомненно, значительно превосходившей культуру арабов первых десятилетий ислама, привело к быстрому восприятию арабами целого ряда элементов культуры и искусства Ирана. Насаждая в завоеванных областях свою новую религию, арабы восприняли технику, литературу, элементы архитектуры и основные черты искусства Ирана. В числе этих заимствований были формы и методы, на иранской почве возросшие и сложившиеся, а вместе с ними и занесенные извне, но привившиеся в Иране и пустившие крепкие корни. Таким образом, уже очень рано в арабскую культуру проникли культурные влияния Индии и влияния культуры античной, воспринятые арабами через Иран.

Вот чем объясняется, что первые переводы на арабский язык творений греческих философов и врачей были сделаны не с греческого, а с пехлевийского, и что некоторые черты эллинистического искусства, проникшие в арабское искусство, носят на себе печать иранского претворения.

Еще до арабского завоевания через Византию элементы культуры сасанидского Ирана, как и элементы культуры Кавказа, получили широкое распространение на Западе. С арабским завоеванием Ирана и восточного Закавказья этот процесс не только не ослабевает, но и усиливается, поскольку к византийскому пути прибавляется путь арабский, через Северную Африку и Сицилию приводящий не только на Апеннинский, но и на Пиренейский полуостров.

По мере роста культурных и торговых связей с севером в период после арабского завоевания элементы сасанидской культуры все настойчивее проникают в восточно-европейскую равнину, идя прямым путем через Каспийское побережье на север и окольным путем — через Византию и, таким образом, и с запада и с востока проникают в среду восточных славян, в области слагавшегося русского государства.

Художественные ремесленные изделия Ирана из металла, кости, шелка, шерсти находили путь через Центральную Азию на Дальний Восток, вызывая подражания в искусстве Китая и зависевших культурно от Китая стран, как Япония.

